

Полной противоположностью мистическому пути является литургический гносис, ориентированный в первую очередь на коллективного субъекта познания — общину верующих.

Таинства, будучи сущностью всей «церковной жизни», составляют основу церковного богослужения. В богослужении с большой наглядностью проявляется «экзистенциальность» христианского познания. Оно является собой, по мнению византийских мыслителей, реальное бытие вечной вневременной жизни (инобытие) внутри нашей, преходящей. Каждый участник богослужения «реально» приобщается к этому «сверхбытию» — пребывает в нем, не покидая уровня бытия. В этой реализации «сверхбытия» — основной смысл церкви, богослужения, таинства. К какому же образом осуществляется «изживание» антиномией спекулятивного мышления на уровне «литургического опыта»? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы указать на две основные проблемы богослужения как гносеологического феномена: структуру богослужения и восприятие его членами церкви.

Богослужение для отцов церкви являлось углублением, развитием практическим осуществлением догматического богословия⁸⁶. Многочисленные молитвы, гимны и песнопения часто в художественной форме развивают, поясняют и иллюстрируют основные догматические формулы. Так одна из древнейших евхаристических молитв, известная нам по «Апостольскому преданию» Ипполита Римского (III в. н. э.), является практически «развитой доксологической тринитарной формулой»⁸⁷. В высокохудожественных образцах культовой поэзии догматические антиномии образуются в систему художественных оппозиций. Известный, например, памятник византийской церковной поэзии «Ἀκαθίστος ὕμνος» (VI—VII вв.)⁸⁸ включая в свой состав мифологические, догматические и терминологические антиномии, снимает их в структуре художественного образа. Особенно насыщены художественными оппозициями заключительные части икосов. Многие из содержащихся в них эпитетов — обращений к Богородице — антитетичны: «Бога неместимого вместилище» (θεοῦ ἀχωρήτου χώρα), «девство и рождество совокупившая» (ἡ παρθενία καὶ λοχσία ζευγύσα), «невеста невестная» (νύμφη ἀνύμφευτε)⁸⁹. Кроме того, «хайретизмы» рифмуются строго по два, и часто рифмованную пару составляют антитетические термины близкие друг другу по звучанию. Показательны в этом плане следующие стихи:

Χαίρε, τῶν Ἀθηναίων τὰς πλοκάς διασπῶσα·

Χαίρε, ἀλιέλων τὰς σαφήνας πληροῦσα·

Радуйся, сети афинские расплетающая

Радуйся, мрежи рыбацкие наполняющая (икос 9).

Χαίρε, δι' ἧς ἡ γὰρ ἐκλάμψει·

Χαίρε, δι' ἧς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει.

Радуйся, чрез тебя радость сияет.

Радуйся, чрез тебя горесть истаёт (дословно: «погасает») (икос 1)

Χαίρε, τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρόνητον θαῦμα·

Χαίρε, τὸ τῶν δαιμόνων πολυθρόνητον τραῦμα·

Радуйся, ангелов многославное изумление.

Радуйся, демонов многослезное уязвление (икос 2)⁹⁰.

⁸⁶ См. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961, стр. 246.

⁸⁷ Киприан (Керн). Евхаристия. Париж, 1947, стр. 67.

⁸⁸ См. о нем, например: O. Bardenheuer. Geschichte der altkirchlichen Literatur, Bd. V, 1932, S. 166—168.

⁸⁹ Эпитеты из 16-й песни (икос 8). Цит. по: R. Cantarella. Poeti bizantini. Vol. 1. Milano, 1948, p. 90—91.

⁹⁰ Греч. текст цит. по указ. изданию R. Cantarella, русский перевод С. С. Аверинцева — по кн.: «Памятники византийской литературы IV—IX веков». М., 1968, стр. 240—241.